

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, заместитель главного редактора общегосударственного научно-политического журнала «Власть», профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Освещается отголосок «ленинградского дела» в Карело-Финской ССР, раскрывающий трагический аспект механизма функционирования партийной системы в СССР в условиях позднего сталинизма. Послевоенный период олицетворяется с опытом политического выживания в условиях сталинской модели политической власти, достигшей своего апогея. Показано, что важной частью формирования системы высшей власти являлось выдвижение молодых лидеров, сделавших головокружительную карьеру. В их числе были ведущие политические деятели Карелии – Г. Н. Куприянов и Ю. В. Андропов. Авторская позиция, связанная с изучением взаимоотношений в руководстве Карелии, основана на взгляде на данную проблему сквозь призму противостояния и борьбы группировок в партийной системе периода позднего сталинизма. Оба партийных руководителя республики были воспитанниками одной и той же сталинской системы, но волей судьбы оказались в разных политических группировках. Андропов стал представителем партийной элиты, возглавляемой Г. М. Маленковым, противостоявшей ленинградской, которую возглавлял А. А. Жданов, – ее представителем являлся Куприянов. Участники разных партийных групп были выдвиженцами и одновременно заложниками единой политической системы, нередко становясь ее жертвами.

Ключевые слова: поздний сталинизм, политическая система, Карело-Финская ССР, «ленинградское дело», Г. Н. Куприянов, Ю. В. Андропов, О. В. Куусинен

В послевоенные годы – период позднего сталинизма – в СССР достигла апогея модель высшей власти, основанная на сверхцентрализации. Механизм функционирования власти осуществлялся в условиях безраздельного господства одной формы собственности (государственной), одной идеологии (марксизма-ленинизма), правления одной партии (коммунистической), руководства одного лидера (см.: [8: 5]). Понимание сути сталинской системы позволяет выяснить мотивацию действий и поступков исторических деятелей, дать им оценку. Соратники И. В. Сталина, назвавшие его *Хозяином*, не обладали политической самостоятельностью, однако имели определенную ведомственную автономность при решении оперативных вопросов, входивших в сферу их ответственности. Данная модель высшей власти достигла своего расцвета в послевоенный период (см.: [16: 398–463]). Частью этой автономности являлось формирование иерархической системной сети партийных групп «покровитель – доверенные лица». Под руководством партийных лидеров, выполнивших функции *покровителей*, формировались политические группировки – партийные элиты: *выдвиженцы, назначены, ставленники, доверенные лица* в центральной, региональной, местной власти. Партийные лидеры старались расставить на ключевые посты своих людей. Сложившиеся формальные и неформальные коммуникации в рамках партийных группировок позволяли осуществлять согласование групповых – ведомственных и региональных ин-

тересов через доверенных людей, чтобы обладать реальными рычагами административного влияния. Личное соперничество между партийными руководителями за влияние переросло в борьбу за лидерство и схватку за власть. Методы политической борьбы приобрели характер закулисных и негласных междуусобиц, лицемерия, коварства, стремления добиваться цели любой ценой. Стalin нередко выступал арбитром в столкновениях внутрипартийных групп, практиковал систему сдержек и противовесов. Аналогично действовали руководители и на местах.

Важная часть формирования новой системы высшей власти – выдвижение молодых лидеров, получавших свои посты и власть непосредственно по воле Сталина. В условиях многочисленных партийных чисток, массовых репрессий, «большого террора» 1930-х годов новая волна молодых выдвиженцев сделала головокружительную карьеру. Участники разных партийных групп были воспитанниками и одновременно заложниками единой политической системы, нередко становились ее жертвами. Система установила правила игры – если кто-то не следовал неписанным правилам поведения, в лучшем случае он выпадал из номенклатурной обоймы.

На рубеже 1945–1946 годов Stalin изменил состав своего ближайшего окружения: ключевые позиции в партийном и государственном руководстве заняла «ленинградская группа». На первые роли в руководстве партийным аппаратом был выдвинут А. А. Жданов. 29 декабря 1945 года

Сталин добавил его в «пятерку» – руководящую группу политбюро ЦК партии, таким образом оформилась «шестерка». В октябре 1946 года появилась «семерка» – в состав руководящей партийной верхушки, составлявшей ближайшее окружение вождя, был включен Н. А. Вознесенский. 4 мая 1946 года пленум ЦК вывел Г. М. Маленкова из состава Секретариата ЦК, он был лишен всех реальных рычагов управления партийным аппаратом. Фактическим руководителем Секретариата и Оргбюро стал Жданов, в его ведении также было Управление пропаганды и агитации. Ленинградский выдвиженец А. А. Кузнецов занял прежнюю маленковскую должность секретаря ЦК партии, стал руководителем Управления кадров. В результате «ленинградская группа» заняла ключевые позиции в партийном и государственном руководстве. К тому же в функции Кузнецова добавилось кураторство органов государственной безопасности, в структуре которых он начал чистку выдвиженцев Л. П. Берии.

Сложившийся в результате этих перестановок баланс политических сил в партийной системе просуществовал до середины 1948 года. После внезапной смерти Жданова 31 августа 1948 года опорой для Сталина вновь стали Маленков и Берия. Продлением перетряски высшей власти явилось «ленинградское дело», когда были физически уничтожены многие ленинградские руководители и выдвиженцы.

Волна «ленинградского дела» прокатилась по всему северо-западному региону, но особенно болезненным оказался ее карельский отголосок. Партийный руководитель Карелии (июнь 1938 – январь 1950 года) Г. Н. Куприянов являлся типичным воспитанником сталинской партийной системы. По характеристике карельского писателя О. Н. Тихонова, в его образе отражалась примечательная черта руководящей партийной элиты – «сановно-мужицкий аристократизм» [15: 391]. В период «большого террора» партийная карьера Куприянова развивалась стремительно. Стаж руководящей работы в партийных органах был невелик: сначала в качестве второго секретаря Куйбышевского райкома партии в течение всего лишь одного месяца (ноябрь – декабрь 1937 года), затем он был утвержден первым секретарем этого же райкома. После 6 месяцев работы руководителем Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда 32-летнего партийного работника по рекомендации секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова (с одобрения А. А. Жданова) направили возглавить партийную организацию Карелии.

По сложившейся практике, в качестве партийного руководителя Куприянов, наряду с прокурором, наркомом НКВД, входил в состав так называемой тройки («особой тройки») НКВД. Тройка утверждала списки осужденных врагов народа, в том числе «расстрельные» приговоры к высшей мере наказания. После 28 июня 1938 года, когда Куприянов стал членом тройки НКВД Карелии,

по ее постановлениям было расстреляно более 500 человек. Членом «особой тройки» он состоял с 20 сентября 1938 года. Этой тройкой репрессировано 1819 человек (см.: [5: 125–126]).

Один из ключевых вопросов, обсуждаемых до сих пор, – взаимоотношения в политическом руководстве Карелии (см.: [4]). Нередко в адрес Ю. В. Андропова, с января 1947 года занимавшего должность второго секретаря ЦК Компартии Карело-Финской ССР, предъявляются обвинения в предательстве по отношению к партийному руководителю Куприянову. Последний сам же положил начало данной версии: Андропов и П. С. Прокконен были названы им «агентами Берии и Маленкова»¹. Куприянов высказывал также подозрения в доносительстве на него со стороны знаменитого советского полярника И. Д. Папанина, который являлся депутатом Верховного Совета СССР от Карело-Финской республики (в годы войны – уполномоченным ГКО). Однако, если взглянуть на данную проблему сквозь призму противостояния и борьбы группировок в партийной системе периода позднего сталинизма, подобные обвинения представляются бессмысленными. Оба партийных руководителя республики были воспитанниками одной и той же сталинской системы. Волею судьбы и исторических обстоятельств они оказались в разных политических группировках. Никакой личной борьбы между ними в течение длительной совместной работы в Карелии (9,5 года) не было. Андропов во многом действительно был обязан своему партийному руководителю и признавал это.

Борьба (причем жестокая, порой кровавая) происходила между группировками, которые они представляли. Партийным лидером одной из них (ленинградской) являлся А. А. Жданов. Ее выдвиженцем был Куприянов. Андропов оказался представителем другой – противоборствующей элиты, возглавляемой Г. М. Маленковым. В сталинизме понятие *предательство* могло быть применимо только внутри отдельных политических элит – как нарушение неписанных партийных заповедей. Таков был дух сталинской эпохи: человеческая чистота и честность заменились жесткими требованиями партийной морали. В покаянных письмах Куприянова на имя Сталина, написанных перед арестом 17 марта 1950 года, называлось немало фамилий партийных, военных и государственных руководителей, с которыми он вел беседы на политические темы (И. Д. Папанин, А. А. Кузнецов, П. С. Прокконен, В. М. Виролайнен, Ю. В. Андропов, Ф. Д. Гореленко и др.). В этом Куприянов раскаивался, но, как он утверждал, эта «ошибка» никому не принесла вреда: «Никто из упомянутых в моем заявлении лиц не был подвергнут из-за этого репрессии. Да и в самом заявлении я писал Сталину, что все они честные люди, “если виноват, так это я, судите меня, я не прошу пощады”»². Однако в условиях политического режима того

времени подобные разговоры для их участников могли иметь реальные опасные последствия в виде лишения занимаемой должности, а также были чреваты угрозой оказаться в местах не столь отдаленных. Недавний партийный руководитель республики хорошо знал правила системы. В исповеди Куприянова 1971 года есть двусмысленная фраза: «Мне не в чем упрекнуть себя. Я никому не причинил зла ради самого зла» (цит. по: [15: 408]).

Куприянов всегда публично позиционировал свою принадлежность к ленинградской политической элите. В 1960-е годы он написал в своих тетрадях: «Мы гордимся тем, что мы ленинградцы. Кто бы мог тогда, зимой 1942 г., в самые страшные дни блокады, подумать, что Кузнецов [А. А.], Попков [П. С.], Капустин [Я. Ф.], Соловьев [Н. В.], Иванов [В. Н.] будут расстреляны с ведома и согласия Политбюро <...> Главная их вина – они были умнее, чем окружавшие Сталина подхалимы и интриганы. А Сталин и его приближенные не любили людей умнее и честнее себя»³. Для него А. А. Кузнецов ассоциировался с образом самого «душевного и близкого друга»⁴. В 1950 году Куприянову вынесли приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, его обвинили в «проведении изменническо-подрывной и вредительской деятельности» и «преступной связи с Кузнецовым А. А.»⁵.

Куприянов стал одной из многочисленных жертв системы, которая его породила, воспитала и продвинула наверх. Запоздалое прозрение Куприянова произошло не в предвоенные и не в послевоенные годы, когда в сталинском фаворе была ленинградская партийная группировка главе с А. А. Ждановым, а после того, когда он сам оказался жертвой сталинской системы. Прозрение пришло после 6 лет тюрем и лагерей по «ленинградскому делу» (1950–1956), когда бывшему партийному руководителю и бывшему генералу выбили зубы, искалечили руки, подвергли унизительным и садистским физическим пыткам и издевательствам. Куприянов писал: «Это были времена самого страшного кровавого режима личной, ничем не ограниченной власти Сталина»⁶. Однако раскаяния с его стороны не было. Утверждая, что нельзя «валить все только на Сталина»⁷, он подразумевал не себя, а других партийцев, считал, что всегда честно выполнял долг члена партии. В медицинском заключении Бутырской больницы ему был поставлен диагноз – «потеря чувства дистанции». В тюремной рукописи под названием «Чувство дистанции» Куприянов определил этот термин следующим образом: «Это чувство суеверного страха у людей рабского воспитания. Это страх перед сталинскими методами управления страной. Это омерзительное, холопское самоунижение...» (цит. по: [15: 405]).

После реабилитации Куприянов в числе виновных в создании системы сталинизма называл многих партийных и государственных деятелей,

в том числе своего прежнего ленинградского покровителя Жданова, на которого возложил основную ответственность за репрессии против финнов-ингерманландцев в Ленинградской области⁸. Обида на некоторых бывших «товарищах по Ленинграду», помимо Жданова, нашла особенно резкое выражение в отношении персоны бывшего второго секретаря Ленинградского обкома партии, члена Военного совета Карельского фронта Т. Ф. Штыкова, охарактеризованного Куприяновым в качестве «человека недалекого».

Ленинградской партийной эlite противостояла противоборствующая политическая группировка во главе с Г. М. Маленковым, в орбите влияния и сотрудничества с которым находился также Берия. К ней относились доверенные лица Маленкова из ближайшего окружения: М. Ф. Шкирятов (зам. председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б)), секретари ЦК ВКП(б) и члены Оргбюро ЦК П. К. Пономаренко и Н. С. Патоличев, Н. М. Пегов (первый секретарь Приморского крайкома партии, затем зав. отделом легкой промышленности ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК), Н. А. Михайлов (первый секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б) и Оргбюро ЦК партии), М. А. Шамберг и Г. П. Громов (зав. орги ЦК партии; сын Шамберга был женат на дочери Маленкова), Г. Ф. Александров (начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК), Н. Н. Шаталин (зам. начальника Управления кадров ЦК, член Оргбюро ЦК) и др. Доверенные лица обеспечивали поддержку Маленкову в Оргбюро (в качестве членов этого органа) и Секретариате ЦК партии. В данной партийной группе оказался Ю. В. Андропов. Представляется, что в приобщении Андропова к маленковской партийной группировке основная роль принадлежит Н. А. Михайлову, который сотрудничал с Андроповым на протяжении многих лет. Михайлов являлся бессменным руководителем ЦК ВЛКСМ в течение 14 лет (1938–1952). Он возглавлял молодежную организацию страны в период оформления и укрепления системы сталинизма. В 1939 году стал членом ЦК ВКП(б) и, как свидетельствуют архивные документы, одним из наиболее активных членов Оргбюро ЦК партии в периоды, когда работой этого органа руководил Маленков.

По свидетельству Куприянова, «Андропов получил большое доверие у Маленкова и Берии»⁹. В личном фонде Маленкова в РГАСПИ отложились документы, проливающие свет на важные нюансы их взаимоотношений. В период, когда Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, к нему обратился по телефону пенсионер Маленков – он настаивал на личной встрече. Сохранилось письмо, в котором содержалась загадочная фраза: «У меня есть основания к настойчивости в просьбе о моей встрече» (курсив наш. – Ю. В.)¹⁰. Маленковская недомолвка, выраженная в данной фразе, может свидетельствовать о негласном моральном праве автора письма

к подобной настойчивости. Тайну из прошлого могли знать только они.

Гипотетически второй секретарь ЦК Компартии КФССР Андропов мог выступить в защиту руководителя республиканской партийной организации Куприянова – это означало разделить его судьбу. Был и другой вариант: найти отговорки, промолчать, сослаться на незнание дела – его неизбежно ожидала бы та же участь. По предложению Р. А. Медведева, автора политической биографии Андропова в серии «ЖЗЛ», Андропов сознательно выбрал третий путь: он выступил с унизительной самокритикой и поддержал все обвинения в адрес Куприянова. Объяснение подобному поступку сформулировано следующей фразой: «Занимать в тоталитарной системе высокий пост и не предавать время от времени своих друзей, соратников или просто ни в чем не повинных людей было невозможно. Здесь каждый сам делал свой выбор, и каждый сам искал оправдания своим прегрешениям» [9: 29]. Эту жесткую и однозначную позицию поддерживает карельский исследователь Ю. В. Шлейкин, автор биографической хроники Ю. В. Андропова (см.: [18: 237]).

Предшественник Андропова на посту председателя КГБ В. Е. Семичастный в своих мемуарах высказал следующее мнение о «ленинградском деле»: Андропов «выглядел в этой истории не самым лучшим образом», «...Мне известно, что после смерти Куприянова руководители теперь уже Карельской автономной социалистической республики передали две объемные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, Шелепину, а тот – Брежневу. В записях утверждалось, что и Андропов приложил свою руку к тому, что некоторые ленинградцы оказались среди репрессированных». И далее, «что было сделано с этими тетрадями, каков их дальнейший путь, никому и ничего не известно. Их можно было передать в прокуратуру, а можно было и поберечь на всякий случай, дав знать Андропову, что они существуют» [13: 415]. Семичастный сообщил также, что в середине 1960-х годов в ЦК КПСС поступило письмо из Ленинграда, в котором Андропов обвинялся в причастности к «ленинградскому делу». Из ЦК оно было передано на рассмотрение в Комитет партийного контроля, оттуда – в КГБ (в это время его возглавлял Семичастный). По описанию Семичастного, чекисты провели расследование, которое показало, что «часть сведений действительно имела место», однако «главным виновником репрессий Андропов, конечно же, не был» [13: 416]. По поводу данной истории в своих мемуарах Семичастный сделал следующий вывод: рассмотрение дела не получило никаких последствий, поскольку «Андропов был подходящей фигурой для Брежнева» [13: 416]. Ожидания со стороны Семичастного, в воспоминаниях которого сквозила неприкрытая обида на Андропова, который заменил его в КГБ после скандальной

отставки от занимаемой должности, были выражены в короткой характеристике: Андропов – человек «в высшей степени беспринципный и бесхарактерный» [13: 458].

В отношении одного из приведенных выше сюжетов возникли обоснованные сомнения. Речь идет об утверждении, что после смерти Куприянова руководители Карельской АССР (в 1956 году бывшая союзная Карело-Финская республика стала автономной в составе РСФСР) передали две объемные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, А. Н. Шелепину (предшественник Семичастного сначала в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, затем – председателя КГБ при СМ СССР), а тот – Л. И. Брежневу. Руководители Карелии не могли это сделать. В воспоминаниях Куприянова давалась нелицеприятная оценка поведению в годы войны ряда руководителей Карелии 1960-х – 1970-х годов: первому секретарю Карельского обкома КПСС И. И. Сенькину, председателю Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. С. Прокконену. Руководители республики оказывали категорическое противодействие публикации книги Куприянова в Карелии, хотя она неоднократно включалась в планы издательства «Карелия», но затем снималась по указанию сверху.

Через семь лет после издания мемуаров Семичастного, в 2009 году, в газете «Известия» появилось его интервью, данное журналисту Н. Добрюхе. В этой публикации вновь в центре внимания оказались две «тяжелые карельские тетради» Куприянова «об излишнем усердии Андропова» в так называемом расстрельном «ленинградском деле». Сообщалось, что «во времена Берии и Маленкова, когда старость начала брать верх даже над таким человеком, как Сталин, разгорелась страшная борьба за его власть и вылилась в “ленинградское дело”. В этом кровавом деле сыграл свою роль и Юрий Андропов...». В интервью было сказано, что Куприянов написал целое досье на Андропова, в котором утверждалось, что репрессии были делом рук Андропова. Досье попало в распоряжение Брежнева. По рассказу Семичастного, он поручил сотрудникам КГБ все выяснить¹¹.

Несложно увидеть разнотечения повествования в данном интервью с мемуарами Семичастного. Исчезли важные свидетельства – как «тяжелые карельские тетради» попали к Брежневу, а также факты о расследовании письма из Ленинграда. Возможно, виновато время, стирающее из памяти очевидцев события прошлого. Или журналисты, печатающие интервью и помогающие авторам в написании мемуаров, проявили чрезмерное усердие, чтобы оживить сюжеты яркими красками на потребу читателям. А может быть, прав был генерал В. А. Кирпиченко, который заметил, что в Семичастном «было больше комсомольского задора, чем политической мудрости» [6: 152]. Ведь знаменитый руководитель внешней разведки работал в КГБ и при Семичастном, и при

Андропове и мог сравнивать. Андропова он считал выдающимся государственным деятелем.

Однако критическая тональность Семичастного значительно уступает обличительному настрою ряда других авторов. Так, С. Н. Семанов утверждал: «...преданность Андропова своему начальнику не выдержала первого же испытания. Он, как и ряд других его коллег, “дал материал” (то есть политические обвинения) по начавшемуся в Петрозаводске “делу Куприянова”». 24–25 января 1950 года состоялся пленум ЦК Карело-Финской республики, где Андропов «обвинил своего шефа во всех смертных грехах, да еще покаялся, что своевременно его не разоблачил» [12: 29]. Критики Андропова, не располагая достоверными документами, нередко ссылаются друг на друга. Семанов писал: «Вот тележурналист Л. Млечин рассказал, будто бы А. Шелепин видел даже донос Андропова на Куприянова. Возможно. Однако несчастный Куприянов был обречен, ибо судьба его накануне пленума в Петрозаводске уже была предрешена в Москве. В этих условиях защищать Куприянова мог бы только герой или сумасшедший. Но вот Юрий Владимирович ни тем, ни другим никогда не был» [12: 30]. Заключение получилось глубоко-мысленным. Только оно никак не связано с первым тезисом. «Дело Куприянова» в КПК, в котором содержатся показания Андропова в качестве одного из письменных показаний 44 свидетелей (!), составлялось позднее решений партийных органов в Москве об освобождении Куприянова с руководящей должности. Арест последовал через два месяца после снятия с должности.

Журналист Л. Млечин запустил в обиход тему «доноса», который рассматривается как важное обвинительное свидетельство со стороны многих любителей написания политической биографии Андропова. В книге Млечина читаем: «Александр Николаевич Шелепин рассказывал, что в бытность председателем КГБ он видел форменный донос на Куприянова, подписанный Андроповым. Уже в брежневские времена Шелепин прямо сказал об этом Андропову и предупредил, что поставил об этом в известность Брежнева. Зачем ты это сделал? – обреченно произнес Андропов. Но он напрасно испугался. Эта история не помешала Брежневу сделать Андропова председателем КГБ. Леонид Ильич, как и многие властители, любил держать на ключевых постах людей, в чем-то замешанных. Они служили рьяно и преданно» [11: 52–53]. По утверждению Млечина, «посадили практически всех руководителей республики, кроме Андропова» [11: 51]. По его оценке, «многие петрозаводские историки считают, что во время чистки перепуганный Юрий Владимирович топил товарищую по партии, чтобы уцелеть самому» [11: 52]. Хотелось бы уточнить: каких историков имеет в виду автор, какие версии предлагаются и насколько они достоверны? Однако до сих пор никто из исследователей не назвал новых имен репрессированных

по «ленинградскому делу» в Карелии, помимо нескольких фамилий, приведенных Г. Н. Куприяновым в его тетрадных записях.

После того, как открылся доступ к архивному фонду Куприянова в начале 1990-х годов, ряд имен обнародован. В частности, в числе первых их перечислил писатель И. Минутко. Однако в претензии на сенсацию получился некий казус. В своих архивных записях Куприянов нередко указывал инициалы персонажей неверно. В результате они перекочевали на страницы книжных изданий. Так, Минутко вслед за Куприяновым повторил, что «по инициативе Андропова арестованы»: И. В. Власов, В. М. Виролайнен, И. Р. Соляков (правильно: П. В. Соляков), А. А. Трофимов, М. М. Бульякова (правильно: М. В. Бульякова). Никак не заслужил столь резкой критики со стороны писателя С. П. Татаурщикова, который якобы действовал по указанию Андропова [10: 70–72]. Писатель С. Чертопруд, в свою очередь, повторил с ошибками текст Минутко [17: 82]. Оба автора допустили грубые ошибки в оформлении научно-справочного аппарата: в частности, неверную трансляцию куприяновских записей фамилий (так, П. В. Сепсяков оказался у обоих Селеяковым). Чертопруд повторил слова Млечина о «форменном доносе» Андропова на Куприянова [17: 77].

Изучение текста письменных показаний Андропова из «дела Куприянова», впервые опубликованных автором данной статьи (см.: [2]), позволило констатировать, что содержание приведенных фактов соответствовало действительности. Они являются достоверным материалом, характеризующим репутацию бывшего руководителя партийной организации Карелии. Работники КПК во главе с инспектором ЦК ВКП(б) С. И. Колесниковым, которому было поручено заниматься этим делом, щепетильно проверяли информацию, проводили беседы и получали письменные объяснения, сообщения, заявления свидетелей по делу, названных в показаниях Андропова, которые сопоставлялись с информацией других многочисленных свидетелей. Следует отметить, что в данном деле ни сам Куприянов, ни другие арестованные не отказывались называть Андропова среди своих «соучастников». В этом Андропов мог убедиться сам: известно, что, став председателем КГБ, он попросил помощников принести ему из архива «дело Куприянова». Его письменные показания, о которых сообщал А. Н. Шелепин как о «форменном доносе» (Млечин не уточнил источник своей информации), не были изъяты как компромат на советского партийного и государственного деятеля. Это является свидетельством того, что по прошествии почти двух десятилетий Андропову как автору этих показаний нечего было скрывать – все изложенные в 6-страничной записке факты имели основание. Благодаря Андропову «дело Куприянова», которое могло быть изъято из архива целиком (или уничтожено),

вернулось на свое прежнее место и осталось ожидать своих будущих исследователей. В этой связи следует также подчеркнуть, что благодаря поддержке и помощи Андропова в Ленинграде и Петрозаводске были опубликованы две книги воспоминаний Куприянова. Без его участия они остались бы лежать невостребованными в виде рукописных записей мемуариста в многочисленных школьных тетрадках. Кстати, сравнение текста опубликованных книг и архивных записей показывает, что квалифицированные редакторы Лениздата и издательства «Карелия» проделали весьма качественную и трудоемкую работу по доработке рукописей до достойного уровня.

Один из обсуждаемых вопросов, связанных с политической биографией Андропова, – тема его покровителей. С карельских времен покровителем Андропова стал О. В. Куусинен. 1950 год преподал Андропову суровый урок политического выживания, благодаря Куусинену молодой партийный руководитель осваивал науку политической борьбы. По свидетельству И. Е. Синицына, помощника председателя КГБ Ю. В. Андропова по вопросам политбюро ЦК КПСС в 1973–1979 годах, однажды Андропов сказал, что его «практически спас от репрессий в связи с “ленинградским делом” выдающийся финский социал-демократ, а затем большевик Отто Вильгельмович Куусинен» [14: 19]. Это признание о роли Куусинена в судьбе Андропова оказалось неожиданным для Синицына: «...откровение прозвучало из глубины души за много лет бесед и обсуждений различных вопросов» [14: 20]. Информированный и образованный помощник Андропова был сыном генерала Е. Т. Синицына, многие десятилетия работавшего в области внешней разведки (разночтение одной буквы в написании фамилии – ошибка паспортистки). По версии бывшего помощника Андропова, в период борьбы партийных группировок, связанной с «ленинградским делом», Куусинен остался в стороне от этой драки и сумел вытащить из нее своего любимца – молодого партийного руководителя Андропова (см. [14: 20]). По предположению Синицына, это он сделал, «пользуясь своими скрытыми, но достаточно близкими отношениями со Сталиным» [14: 215]. Однако данному заключению противоречит другое свидетельство человека, хорошо знавшего О. В. Куусинена, – его жены Айно Куусинен. В ее мемуарах содержатся критические признания в отношении своего высокопоставленного мужа: «Он ни разу даже пальцем не пошевелил, чтобы уберечь меня от тюрем и лагерей» [7: 208]; «он всегда держал нос по ветру <...> Я не смогла вспомнить ни одного случая, когда бы Куусинен помог кому-нибудь в беде <...> Когда в Карелии был арестован сын Отто, он и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь» [7: 211]; «он отказался помогать кому-либо даже в мелочах» [7: 212]. Айно Куусинен констатировала: «Он научен был горьким опытом не полагаться только на свое мнение, когда

надо было оценить чей-либо характер или способности. Внимательно выслушивая других, он уточнял свое представление о человеке. Был он крайне осторожен, всеми средствами старался избежать ошибок в оценках» [7: 26]. Кто же прав в этом заочном споре? Несомненно, О. В. Куусинен дистанцировался от противоборства между партийными группировками Маленкова и Жданова. Следуя своим правилам, он не вмешивался в жестокое подавление ленинградской элиты в 1949–1950 годах. Но карельская партийная и государственная элита прекрасно знала, что он относился к Андропову с вниманием и симпатией. Когда Андропов оказался фигурантом «ленинградского дела», Куусинен как опытный политик, следуя своим правилам невмешательства в политическое противоборство партийных группировок во власти, отдавая предпочтение испытаным коминтерновским скрытым методам ведения политической борьбы, консультировал своего молодого ученика, давал советы и рекомендации о линии поведения в отношении опального Куприянова, о позиции в партийном активе в Карелии и в отношении недоброжелателей. В конце 1949 – 1950 году Андропов подолгу бывал в командировках в Москве. Своего покровителя он посещал не только в его московском рабочем кабинете, но и нередко навещал дома – дорога в квартиру № 19 в первом подъезде, на 10-м этаже в Доме правительства на набережной Москвы-реки была ему хорошо знакома.

О. В. Куусинен, политический тяжеловес в советском руководстве страны, оказал Андропову содействие в последующем выдвижении. Здесь можно предложить следующую версию. 26 апреля 1951 года Куусинен был на совещании у Сталина (21.00–22.25), в котором принимали участие В. М. Молотов и Вилле Песси, генеральный секретарь Компартии Финляндии¹². Сталина беспокоила ситуация, сложившаяся в компартии Финляндии в начале 1950-х годов: в партии появились конфликты и разногласия в руководстве. Многих молодых партийцев не устраивала политика руководства, они требовали замены генерального секретаря на IX съезде КПФ осенью 1951 года. В тайных переговорах у Сталина 26 апреля было принято решение, что Песси сохранит свой руководящий пост. На IX съезде КПФ в ноябре 1951 года он был вновь избран генсеком партии и членом политбюро¹³.

На переговорах И. В. Сталина, В. М. Молотова, О. В. Куусинена и В. Песси в апреле 1951 года проблемы Финляндии обсуждались в связи с северо-западным регионом СССР. Еще с 1920–1930-х годов в Коминтерне, а также в советском руководстве сложилась традиция рассматривать Финляндию в более тесной связке с прибалтийскими государствами, а не со скандинавскими странами. В послевоенные годы подобный взгляд в сталинской тайной дипломатии сохранился, хотя Прибалтика являлась частью СССР. Однако советскому руководству приходилось непросто

в попытках выкорчевывания в новых советских республиках так называемого буржуазного национализма. В решении вопросов северо-западного региона и Финляндии к мнению Куусинена относились как к оценке авторитетного и глубокого эксперта и знатока. По свидетельству Айно Куусинен, «Сталину он был необходим, это был его логос. Stalin мало знал о капиталистических странах, о дипломатии, а Куусинен был искусный дипломат, хорошо знал обстановку в других странах. Он устраивал Сталина еще и тем, что всегда оставался в тени <...> Он умел так ловко изложить Сталину свои предложения, что тот принимал мысли Отто за свои собственные» [7: 210]. Однако у Куусинена был серьезный недостаток: как отметила А. Куусинен, «у Отто не было абсолютно никаких организационных способностей» [7: 35]. Это был политик, теоретик, работа его проходила «за кулисами» (см.: [7: 214]). В Советском Союзе, особенно после «ленинградского дела», ощущалась острая нехватка нестандартно мыслящих, опытных руководителей, хорошо знающих северо-запад и Скандинавию. Вот тогда и прозвучала кандидатура молодого и уже опытного партийного работника из Карело-Финской ССР Юрия Андропова. Он был необходим Куусинену как перспективный работник в области тайной дипломатии, способный организовать реализацию внешней политики советского руководства и взаимодействие с компартиями за рубежом. Эта работа требовала знаний, опыта, способностей. В этой связи примечательна рукописная характеристика Песси, данная Куусиненом по просьбе руководства ЦК ВКП(б): «Песси является убежденным коммунистом, серьезно и ответственно относится к работе. Но в сложной послевоенной обстановке чувствует себя политически и теоретически недостаточно подготовленным для порученной ему руководящей работы. В этом заключается причина его излишней настороженности и неуверенности»¹⁴. В условиях развернувшейся холодной войны СССР с Западом интересы внешней политики СССР требовали проведения постоянной работы и организации контактов с руководителями зарубежных компартий, чтобы они оставались в орбите советского влияния.

В своих воспоминаниях И. Е. Синицын сформулировал причину, почему Куусинен, «круп-

ный, международного масштаба деятель», способствовал продвижению молодого Андропова в Москву: «...видный деятель КПСС и Коминтерна явно “положил глаз”, что называется, на молодого и талантливого партийца Андропова. Он явно увидел в нем, как и Stalin, достаточно перспективного деятеля <...> Юрий Андропов стал любимым учеником Куусинена» [14: 215]. Произошло это, как свидетельствуют архивные документы, впервые опубликованные автором данной статьи, еще в военные годы (см.: [1], [3]). Уже 21 июня 1951 года Андропов был утвержден инспектором ЦК ВКП(б). В этой должности он занимался вопросами работы партийных организаций прибалтийских республик.

По оценке И. Е. Синицына, «многие качества Андропов перенял именно у Куусинена: мудрая осторожность, скрытность, умение и желание действовать за кулисами, равнодушие к почестям и наградам» [14: 212]. В связи с данной характеристикой можно обратиться к описанию характера и образа Отто Куусинена в мемуарах Айно Куусинен. Очень многие штрихи из этой характеристики обнаруживаются в позднем Андропове. Так, Айно Куусинен писала: «Я сидела часами, стараясь понять, что за человек был Куусинен. Никакие кремлевские архивы – даже если их когда-нибудь откроют – не смогут дать объективного представления об его характере, его личности...» [7: 209]. И далее: «Мудрая осторожность, сильное чувство самосохранения были его главными качествами...» [7: 211]. Как и ранее Куусинен, Андропов в брежневское время не прымкал ни к каким партийным группам. В частности, он дистанцировался от группировки «комсомольцев» в КПСС, лидером которых был А. Н. Шелепин (к ней принадлежали В. Е. Семичастный, Б. С. Бурков, Н. Н. Месяцев и др.).

Ю. В. Андропов, получив огромный опыт тайной дипломатии в Венгрии, в 1957 году возглавил отдел по работе с компартиями социалистических стран. Его непосредственным руководителем стал секретарь ЦК КПСС, член президиума (политбюро) ЦК О. В. Куусинен, в ведение которого входила внешняя политика СССР, а также в значительной степени и вопросы идеологии. В 1961 году Андропов был избран в состав членов ЦК КПСС, в 1962 году стал секретарем ЦК партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-3435 (Г. Н. Куприянов. Личный фонд). Оп. 1. Д. 121. Л. 22, 23.
- 2 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 3. Д. 6265. Л. 296.
- 3 НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 214. Л. 124–125.
- 4 Там же. Л. 106.
- 5 РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6265. Л. 98.
- 6 НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 244. Л. 10.
- 7 НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 244. Л. 46.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Д. 198. Л. 17об.
- 10 РГАСПИ. Ф. 83 (Г. М. Маденков. Личный фонд). Оп. 1. Д. 35. Л. 213об.
- 11 Неизвестный Андропов // Известия. 2009. 19 июня (№ 107). С. 5.
- 12 См.: Исторический архив. 1997. № 1. С. 21.
- 13 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 269. Д. 17 (Личное дело Вилле Песси). Л. 103.
- 14 Там же. Л. 138.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Ю. А. Невидимая война: аналитическая разведка // Исторический архив. 2017. № 1. С. 98–115.
2. Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 3–31.
3. Васильев Ю. А. Тайны «Могикана» (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 200 с.
4. Веригин С. Г. Ю. В. Андропов в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы V междунар. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 26–33.
5. Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 448 с.
6. Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. Изд. 2-е, доп. М.: Междунар. отношения, 2001. 400 с.
7. Куусинен А. А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. 240 с.
8. Лельчук В. С. Апогей и крах сталинизма. М.: ИРИ РАН, 1998. 248 с.
9. Медведев Р. А. Андропов. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 434 с.
10. Минутко И. А. Юрий Андропов. Реальность и миф. М.: АСТ-Пресс, 2004. 352 с.
11. Млечин Л. М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008. 511 с.
12. Семанов С. Н. Секретная миссия Андропова. М.: Яуза-кatalog, 2014. 352 с.
13. Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. 458 с.
14. Синицын И. Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с.
15. Тихонов О. Н. Свидетель: Документальный роман. Петрозаводск: Карелия, 1990. 526 с.
16. Хлевнюк О. В. Хозяин. Stalin и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
17. Чертопруд С. В. Юрий Андропов: тайны председателя КГБ. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 512 с.
18. Шлейкин Ю. В. Андропов. Карелия. 1940–1951...: Биографическая хроника. Петрозаводск: Острова, 2014. 288 с.

Vasiliev Yu. A., Journal “Vlast (Authority)”, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

POLITICAL ELITE OF THE KARELO-FINNISH SSR IN THE PERIOD OF LATE STALINISM

Echo of the “Leningrad case” in the Karelo-Finnish SSR is highlighted, revealing the tragic aspect of the functioning mechanism of the party system in the USSR in the period of late Stalinism. The post-war period is personified through the experience of political survival in conditions of the Stalinist model of political power at its apogee. It is shown that an important part of the formation of the system of supreme power was the nomination of young leaders who made a dizzying career. Among them were the leading political figures of Karelia – G. N. Kupriyanov and Yu. V. Andropov. The author’s position related to the study of relationships in the leadership of Karelia is based on the view of this problem through the prism of confrontation and struggle of the factions in the party system of the late Stalinist period. Both party leaders of the republic were schoolers of the same Stalinist system, who by the twist of fate found themselves in different political groups. Yu. V. Andropov turned out to be a representative of the party elite, headed by G. M. Malenkov, who opposed Leningrad, which was headed by A. A. Zhdanov – its representative was Kupriyanov. Participants of different party groups were nominees and simultaneously hostages of the unified political system; frequently they became its victims.

Key words: late Stalinism, political system, Karelian-Finnish SSR, “Leningrad cause”, G. N. Kupriyanov, Yu. V. Andropov, O. V. Kuusinen

REFERENCES

1. Васильев Ю. А. Invisible War: Analytical Intelligence [Невидимая война: аналитическая разведка]. *Istoricheskiy arkhiw* [Historical Archive]. 2017. № 1. P. 98–115.
2. Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. The struggle of political elites in conditions of late Stalinism. Karelian after-sound of “Leningrad case”. 1949–1950 [Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок “Ленинградского дела”. 1949–1950 гг.]. *Istoricheskiy arkhiw* [Historical Archive]. 2016. № 3. P. 3–31.
3. Васильев Ю. А. Тайны “Могикана” (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова) [Secrets of “Mohican” (The 100th anniversary of Yuri Andropov)]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo un-ta, 2014. 200 p.
4. Веригин С. Г. Ю. В. Андропов в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова [Yu. V. Andropov v vospominaniyakh pervogo sekretarya TsK KP(b) Karelo-Finskoy SSR G. N. Kupriyanova]. *Istoricheskie chteniya na ul. Andropova, 5. Iстория органов безопасности: Материалы V международной научной конференции*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014. P. 26–33.
5. Гордиенко А. А. Куприянов и его время [Kupriyanov and his Epoch]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 2010. 448 p.
6. Кирпиченко В. А. Razvedka: litsa i lichnosti [Intelligence: persons and individuals]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2001. 400 p.
7. Куусинен А. А. Gospod' nizvergaet svoikh angelov: Vospominaniya, 1919–1965 [The Lord casts down his angels: Memories, 1919–1965]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 240 p.
8. Лельчук В. С. Apogey i krakh stalinizma [The apogee and collapse of Stalinism]. Moscow, IRI RAN Publ., 1998. 248 p.
9. Медведев Р. А. Andropov [Andropov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 434 p.
10. Минутко И. А. Yuriy Andropov. Real'nost' i mif [Yuri Andropov. Reality and myth]. Moscow, AST-Press Publ., 2004. 352 p.
11. Млечин Л. М. Yuriy Andropov. Poslednyaya nadezhda rezhma [Yuri Andropov. The last hope of the regime]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008. 511 p.
12. Семанов С. Н. Sekretnaya missiya Andropova [The Secret Mission of Andropov]. Moscow, Yauza-katalog Publ., 2014. 352 p.
13. Семичастный В. Е. Bespokoynoe serdtse [Restless heart]. Moscow, Vagrius Publ., 2002. 458 p.
14. Синицын И. Е. Andropov vblizi. Vospominaniya o vremenakh ottepeli i zastoya [Andropov is near. Memories of the period of thaw and stagnation]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 512 p.
15. Тихонов О. Н. Svidetel': Dokumental'nyy roman [Witness: Documentary novel]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990. 526 p.
16. Хлевнюк О. В. Khozyain. Stalin i utverzhdenie staliniskoy diktatury [Proprietor. Stalin and approval of Stalin's dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 479 p.
17. Чертопруд С. В. Yuriy Andropov: tayny predsedatelya KGB [Yuri Andropov: Secrets of the Chairman of the Committee of State Security]. Moscow, Iauza, Eksmo Publ., 2006. 512 p.
18. Шлейкин Ю. В. Andropov. Kareliya. 1940–1951...: Biograficheskaya khronika [Andropov. Karelia. 1940–1951...: Biographical chronicle]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2014. 288 p.

Поступила в редакцию 25.04.2017